

Основано на реальных событиях?

МЭРЛИН

*Быть женщиной - достаточно,
чтобы быть любимой*

МАРИ КОН

16+

Мари Кон Мэрлин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49628126

SelfPub; 2020

Аннотация

Эта история о любви простой английской девушки среднего класса и мужчины, ставшего самым невероятным событием в ее жизни. Они встретились, полюбили друг друга. Так и происходит жизнь. Впрочем, главная героиня все расскажет вам сама. Ее рассказ на фоне полупрозрачных декораций, которыми стали бурлящие события Великобритании начала 20 века, – история об удивительной способности жить, принимая все, как есть, пропускать это через себя и создавать свой собственный мир. Мэрлин искренняя, легкая, верная себе и своему сердцу... Почувствуйте ее настоящесть. Именно в этот момент вы и встретите себя. И это самая интересная часть книги. А еще в ней есть ощущение. И, пожалуй, это главное. И единственное, ради чего мы вообще читаем книги о любви.

Мэрлин Уороби

Я родилась в Лондоне летом 1879 года. Как рассказывал мой отец, начиная с того дня и всю следующую неделю шли дожди с грозами. А в день, когда они получали документы о моем рождении, гроза была такой сильной, что порывы ветра выворачивали деревья и переворачивали повозки, а потоки воды стремительно смывали десятилетиями копившиеся отстои улиц. Кстати, служащий, записывающий данные о моем имени, ужасно боялся грозы, он был нервозен, напуган и вел себя несколько странно. Возможно поэтому вместо Мэрилин Элизабет, он записал Мэрлин Элизабет. Отчего-то моим родителям эта ошибка показалась забавной. Они повспоминали баллады о рыцарях круглого стола и махнули рукой на мое странное мужское имя.

Так вот. Меня зовут Мэрлин Элизабет Уороби. Мой отец, Джеймс Уороби, родом из обнищавшей аристократической семьи, впрочем, не слишком знатной. Моя бабушка по отцовской линии была одной из младших дочерей виконта Холфорда, но я бы не стала утверждать это с уверенностью, а мои родители никогда не любили обсуждать подобные вопросы.

Мой отец был военным врачом большую часть своей сознательной жизни, а после ранения в ногу в возрасте 39 лет он вышел в отставку и открыл свой лечебный кабинет на Камден-стрит. Затем он женился на иммигрантке австро-венгерского происхождения Анне Ванграби. А еще через

год появилась я. Мама иногда рассказывала, что она незаконная дочь венгерского герцога и актрисы, и жила при няньках и гувернантках в большом особняке, но в это верилось с трудом. Хотя в пользу этой теории говорило то, что мама владела 3 языками, помимо родного, умела танцевать придворные танцы, изучала историю, литературу и этикет. Моя мать питала особую слабость ко всему английскому, особенно к литературе, возможно, поэтому она устроилась работать в свободную библиотеку. Библиотекарем? Бросьте! Она мыла полы, чистила портьеры и стирала пыль по 14 часов в день.

Я поздний и потому крайне заласканный ребенок. Маме уже было за 30, когда она родила меня. Братьев и сестер у меня не было, и я росла в атмосфере безграничной родительской любви. Впрочем, мои родители, как и большинство жителей Лондона мало занимались детьми. На Камден-стрит стоимость аренды была крайне высока и, чтобы оплатить счета, моему отцу приходилось работать каждый день с раннего утра и до позднего вечера. Правда, со временем стало легче. Это связано с тем, что отец вовремя «подхватил волну» и стал специализироваться на венерических заболеваниях. Он часто говорил, что венерины болезни такой же бич Лондона, как холера. Цены он заламывал запредельные, но так как его пациенты были в основном богатые аристократы, мало кто жаловался. Тем же, кто выказывал недовольство, он строго говорил: «Я серьезный врач! И я же Вам не простуду лечить собираюсь!» или и вовсе предлагал идти на все

4 стороны.

В свое время, будучи 18-летним мальчишкой, он попал на фронт в Крымской войне, где был ассистентом врача в госпитале. Там же работало несколько женщин из команды знаменитой Флоренс Найтингейл. Как позже говорил мой отец, медицину он узнал из рук этих женщин. Именно тогда и сложились основные принципы его работы: чистота, порядок и знание. Он старался не пропускать ни одной медицинской заметки, постоянно выкраивал время, чтобы посетить ту или иную лекцию в медицинских школах. Отец не разрешал себе расслабляться. И в итоге это принесло свои плоды. Мы жили на Камден-стрит, в хорошем районе города, мы снимали две комнаты, одна из которых была его кабинетом, а вторая жилой. Я ходила в школу, а мама впоследствии ушла из библиотеки и могла позволить себе заниматься только домом, так хорошо стал зарабатывать папа.

Я росла в семье, которая постепенно вращалась в средний класс. Другими словами, мы были из тех, кого нигде не считали своими. Недостаточно знатные и богатые для высшего света, мы были слишком образованы и обеспечены для рабочих слоев. И чересчур приличны, чтобы влиться в круг полусвета. К 18 годам, не имея среди знакомых ни одного молодого человека, способного жениться на мне, я стала понимать, что, скорее всего, останусь старой девой. Мы часто разговаривали на эту тему с мамой. Она была не так чопорно воспитана, как англичанки, и хоть интимные стороны жизни

не подлежали обсуждению, с мамой можно было поговорить о любви и романтике. Она считала, что предназначение женщины быть женой и матерью, но не спешила убиваться из-за отсутствия у меня кавалеров, ведь сама она вышла замуж в 30.

Я была чуть выше среднего роста, с мягким и плавным телом, но по девичьи стройная. Своей груди я стеснялась, она была больше приличного, и я старалась ее скрыть. Впрочем, это было не сложно, современная мода играла мне на руку. Ноги у меня длинные и прямые, хотя вы ни за что об этом не догадались бы, увидев меня, так как платье все скрывало. Лицо, по маминому мнению, было похоже на свежую розу, но надо признать, на носу и щеках у меня проступали светлые веснушки. Аккуратные черты лица, глаза цвета шотландского виски, чувственные губы со слегка приподнятыми уголками, пшенично-белые волосы с золотым отливом, густые и непослушные, да темные брови вразлет. В детстве мама называла меня Русалочкой. Теплое воспоминание...

Я начала вести записи о своей жизни в 1897 году, который стал для меня знаковым. Именно тогда я стала понимать всю «правду жизни». Первым уроком стала заметка в газете из раздела светских хроник, где описывалась история некой высокородной дамы, которая после замужества попала в крайне затруднительную ситуацию. А именно, ее муж менее чем за год промотал приданое жены, заложил оба своих имения, забрал все ее украшения, а затем сбежал на материк с какой-то

немолодой актрисой. Так женщина осталась без средств к существованию, одинокой, без возможности повторно выйти замуж или вернуться в лоно семьи. Впрочем, самое страшное было то, что автор статьи недвусмысленно намекал, что вина за все случившееся лежит именно на ней. «Она выбрала путь быть плохой женой. Судьба же показала ей, что это неверно».

Я долго размышляла на эту тему. Конечно, у меня не было такого приданого, но ведь суть была не в деньгах. Женщина попала в полнейшую зависимость от мужчины, и он ее предал. Хочу ли я для себя такого? Нет. Как этого избежать? Либо выбирать мужчину долго и тщательно, либо не выходить замуж. Зная, что период ухаживания занимал в среднем от одного до трех месяцев, я сделала вывод, что узнать как следует человека за такой короткий период просто невозможно. Конечно, оставался еще и второй вариант, но я, как и любая девушка боялась клейма старой девы, боялась стать вечной обузой на шее немолодых родителей, боялась остаться на обочине жизни, пропасть в нищете, оказаться в работном доме.

Второй урок мне дал отец. К нему как-то пришел один из его сослуживцев с деликатнейшей просьбой. Его жена была беременна в 18 раз! Бедняжка была настолько слаба, что, по мнению моего отца, не перенесла бы родов. Отец тогда сделал аборт, хотя это и было запрещено законом и крайне осуждалось обществом. Но увидев, насколько благодар-

ны ему супруги, я находилась в крайнем волнении несколько дней. Позже я спросила его о том, что ждало женщину дальше.

– Если они не послушаются меня, то она снова понесет, но на этот раз я не буду помогать. Не люблю дураков. Послушай, детка! В этой жизни важно всегда начинать с самого себя, а уж потом обзаводиться семьей. Он женился в 17 лет и оставил беременную жену, когда ушел воевать. За 20 лет у них родилось 17 детей и только 5-ро дожили до зрелости. Женщина была беременна почти непрерывно! И если бы она погибла при родах, ее дети остались бы сиротами. Разве в этом суть ее жизни?

– Не знаю, папа, – только и смогла промямлить я тогда.

В конце февраля я захотела устроиться на фабрику. Мать была против, отец ничего не говорил. Я же подумала, что возможно там познакомлюсь с кем-нибудь. Отработав неделю, я получила гроши, не отмывающиеся руки, кашель и ни одного нового знакомого – их просто некогда было заводить. Да впрочем, молодые мужчины, которых я там видела, мало напоминали образ моего идеального жениха. Все время изрядно пьяные, крайне грязные, они жили в семьях, где было по 10-15 детей, спали в несколько смен, недоедали. И что самое главное, женившись, готовы были повторить судьбу своих родителей.

– Что с твоими руками? – воскликнул отец, когда в воскресенье я вернулась с рабочей смены.

– Папа, ты же знаешь, я работала.

– Никогда ты больше не пойдешь туда, слышишь?! – Закричал он. Отец, любивший полнейшую чистоту, был возмущен до глубины души.

Так закончилась моя работа на фабрике. Я и раньше работала, но в основном на рынке или в пекарне неподалеку. Иногда продавала цветы, корзинки, пирожки и леденцы. Мне это не очень хорошо удавалось, но выбор мест работы для девушки был ограничен. Да и вообще считалось, что задача девушки все-таки поиск мужа, а затем создание семьи.

С началом светского сезона на нашей улице стали чаще появляться дорогие экипажи, богато одетые леди и джентльмены. Стало гораздо больше снующей повсюду прислуги, спешившей выполнить поручение господ. Я смотрела на эту толчею с грустью. Почти все время я сидела дома, единственным развлечением стали еженедельные походы в библиотеку, куда меня отпускали одну.

В апреле мне пришлось в голову пойти в служанки или гувернантки. Среди слуг было много мужчин, и может быть, кто-нибудь обратил бы на меня внимание. Мать лишилась чувств, когда это услышала. А для меня это было очередным уроком. Нет для меня такой работы, которая бы приносила доход, не убивала меня, и в то же время была достаточно приличной, чтобы не быть помехой замужеству.

После этого случая я не разговаривала с родителями неделю. Они могли бы жестоко наказать меня, но как я уже гово-

рила, безгранично любили меня. Они видели, что я страдаю и мучаюсь.

– Дочка, – позвал меня отец к себе в кабинет, когда уже закончил прием пациентов.

– Папа, – откликнулась я. Мне уже и самой надоел свой бессмысленный бойкот.

– Подойди сюда, дитя, – я встала перед ним с опущенной головой, он же погладил меня по руке и жестом пригласил сесть. – Мы с твоей матушкой много размышляли о твоём положении. Я знаю, как ты переживаешь, что в твоём окружении нет достойных мужчин, что мы не разрешаем тебе работать на фабриках и в прислугах, но пойми, дорогая, все это только для твоего блага.

– Да, папа, я понимаю, – вздохнула я.

– Я хочу сделать тебе предложение, Мэрлин.

– Правда? – я почувствовала, что глаза мои загораются. – Какое?

– Я давно нуждаюсь в помощнике здесь, в кабинете. Нужно привести в порядок картотеку, разнести подшивку статей, следить за поставками из аптеки – мне кажется, меня там стали обманывать. Дел много, а я уже не успеваю делать все сам. Может быть, ты согласишься поработать на меня?

– О, папа! Как ты можешь такое спрашивать? Конечно, я буду рада тебе помочь!

– Нет, милая, – отец добродушно рассмеялся. – Я не хочу, чтобы ты мне помогала, я предлагаю тебе работу. Я буду

платить тебе 60 шиллингов в неделю. Видишь эту бумагу?

Отец протянул мне бумаги, это был договор о работе и документы из банка.

– Я хочу, чтобы половину своего заработка ты перечисляла вот на этот счет в банке. Здесь указано, что в случае замужества, эти деньги останутся в твоём ведении, но распоряжаться ими сможет твой супруг по твоему письменному согласию. Если же до 30 лет ты не выйдешь замуж, то сможешь самостоятельно распоряжаться накопленной суммой. До тех пор, ты обязана будешь вносить 120 шиллингов на счет ежемесячно. В случае моей смерти, вся моя собственность, за исключением личных вещей, будет распродана, а деньги также внесены на этот счет. Из них тебе будет выделена сумма на погребение, и по фунту в месяц на содержание матери. В качестве моего помощника, ты должна будешь еженедельно посещать аптекарскую и делать заказ, вести картотеку пациентов, отслеживать и сортировать статьи из медицинских журналов, убирать кабинет ежедневно, мыть пол, стирать бинты, кипятить инструменты, а также по возможности следить за моим расписанием. У тебя будет два выходных в неделю: воскресенье и четверг, в эти дни ты можешь заниматься своими делами, по собственному усмотрению, после того как уберешь кабинет. Ты согласна?

– О, папа! – Я бросилась к нему на шею и расцеловала в обе щеки.

Это был самый чудесный день в моей жизни! Отец обес-

печил меня собственным доходом в 240 шиллингов в месяц! Это огромные деньги. Пусть я не могла тратить половину из них, но мне и не надо было снимать жилье и платить за еду. Я могла сама купить себе платье или шляпку, могла сама купить себе билет в театр, или даже проехаться на автобусе. Родители открыли мне огромный мир. И хотя этим не решалась моя основная проблема поиска мужа, я была чрезвычайно счастлива.

Наступившее лето было дождливым и душным. Я несколько преуспела в качестве помощника отца. Мама казалась довольной. Правда ей стало тяжело справляться с домашней работой, поэтому по воскресеньям после службы в церкви я занималась стиркой и глажкой белья. Нас было всего трое, да плюс простыни и полотенца из кабинета отца, так что это не было для меня непосильно.

Отец смотрел на нас с мамой, и ему не нравилось, что мы так много работаем. К осени он снова поднял цены. Поток клиентов нисколько не изменился. «Венерин бич» никуда не пропал, а докторов и вовсе не становилось больше. Две трети наших пациентов приходили к нам, перебрав нескольких шарлатанов или после неудачной попытки пролечиться дома.

Увеличив свой доход, папа смог снять для нас третью комнату, которую мама с гордостью называла гостиной и куда сразу же стала приглашать свою подругу Аманду Чизторн, всякий раз зеленевшую от зависти. Аманда была женой мор-

ского офицера, с мужем виделась редко, свободных денег у нее никогда не было, но она могла не работать и все свое время проводить в визитах к подругам.

Как-то я случайно подслушала их разговор. Мама как раз рассказывала миссис Чизторн про папины доходы.

– Знаешь дорогая, если все так пойдет и дальше, то к концу года Джеймс будет получать до 450 фунтов в год.

– Это невероятно приличная сумма. Думаю, вы даже сможете нанять пару слуг.

– О, боюсь, с этим придется повременить, – вздохнула мама.

– Не вижу никаких причин для этого, – ответила ей миссис Чизторн.

– Джеймсу пришлось нанять Мэрлин на работу, он платит ей по тридцати шиллингов в неделю и еще тридцать перечисляет в ее собственный фонд, – мама вздохнула. – А он так хотел нанять себе помощника из студентов-медиков.

– О, боже, дорогая! – В ужасе воскликнула миссис Чизторн, предосудительно качая головой. – Представляю, как тебе тяжело! Эти современные девицы становятся сущим наказанием. Но что уж тут поделать, ведь у Мэрлин нет ни мужа, ни жениха. А когда у женщины нет мужчины, в ее голове всегда творятся самые странные вещи, – проговорила она с легким самодовольством. Обе ее дочери примерно моего возраста уже были замужем.

– Да, характер у нее чертовски современный. Она, видишь

ли, не хочет быть обузой для своих родителей.

«Чертовски современный» – и это сказала моя мама? Мир вокруг меня медленно сходил с ума. Первым моим порывом было пойти к отцу и отказаться от работы, сказать ему, что бы нанимал своего студента-медика, но потом я поостыла. Родители всегда жалуются на своих детей, а я действительно не хотела становиться никому обузой. Мне нужен был собственный доход, и я его получила. Глупо было бы отказываться.

С началом осеннего сезона начался новый прилив клиентов, и отец все же нанял нам служанку. Она должна была убирать дом, стирать раз в неделю, менять белье, заниматься починкой и глажкой, а по субботам еще и подметать крыльцо. Думаю, в мечтах отец хотел бы нанять лакея, а мне горничную, которая смогла бы сопровождать меня на прогулки и в библиотеку, но пока не мог себе этого позволить.

Итак, я почти добралась до самого замечательного события того года, после обретенной мною работы.

Каждый четверг, как я уже говорила, я ходила в библиотеку. Близких подруг у меня не было, мама все чаще оставалась дома, и, как правило, я ходила туда одна. Выбирала две-три книги, которые смогла бы прочесть за неделю и возвращалась домой. Прелесть этих походов была в том, что я проходила через парк, а там можно было полюбоваться на красивых леди и джентльменов и даже дерзнуть «случайно» взглянуть на какого-нибудь юношу.

Так вот, в очередной раз я пришла в библиотеку, выбрала книги и уже собиралась домой, как миссис Стоунворк, ведущая картотеку, вдруг остановила меня.

– Мэрлин, милая. Ты сегодня особенно очаровательна!

– Спасибо, миссис Стоунворк, Вы невероятно добры, – ответила я, будучи крайне довольной комплиментом. На мне была новая шляпка, которую я сама себе купила.

– Послушай, Мэрлин. У меня не так много знакомых юных леди, – проговорила женщина, сделав мягкий акцент на слове «леди», чем еще больше польстила мне. – Поэтому пойми меня правильно, мне нужна твоя помощь. Конечно же, не бесплатно.

– О, миссис Стоунворк, я буду рада помочь Вам, если это в моих силах.

– У меня есть троюродная племянница, оставшаяся сиротой совсем недавно. Она почти твоя ровесница, но жила в куда худших условиях, дорогая. Сейчас я подыскала ей работу, но оказалось, что девица не умеет ни читать, ни писать.

– Весьма неловкое упущение с ее стороны, – сказала я, задумавшись.

– О, да! Но еще хуже то, что мне совершенно не по карману нанять ей учителя, а сама я не могу ею заниматься, библиотека отнимает все мое время. О, Мэрлин, милая, я буду крайне признательна тебе, если ты сможешь позаниматься с моей Ноэль. Она способная девочка и быстро всему обучится. Ты согласна?

Как приятно было слышать такие слова. Я сразу же показала себе куда более значимой, чем была на самом деле. Конечно же, я согласилась, к тому же 3 шиллинга за одно занятие были приятным дополнением. С тех пор каждый четверг я должна была приходиться учить Ноэль Браун.

Едва я зашла в библиотеку в означенное время в следующий четверг, миссис Стоунворк тут же проводила меня в дальний угол, где меня ждала чрезвычайно милостивая девушка. Она была куда более худа, чем я, хоть и одного роста со мной, ее волосы были темными, почти черными и спадали изящными локонами. Миндалевидные глаза цвета утреннего неба пронзали словно насквозь, а длинным опухшим ресниц позавидовала бы любая девушка. Кожа ее была тонка и прозрачна, но имела несколько нездоровую бледность. Руки были довольно грубы, но в целом мне она показалась красавицей. «Ее бы подкормить, как следует, да дать возможность поухаживать за собой, и она бы выглядела как настоящая актриса», подумала я тогда.

Миссис Стоунворк познакомила нас и быстро ретировалась на свое место. Мы с Ноэль долго и пристально смотрели друг на друга.

– Можно я буду звать тебя Мэрлин? – наконец спросила она.

– Только если ты позволишь мне звать тебя Ноэль, – ответила я, улыбаясь.

Так зародилась наша дружба. И это было просто прекрас-

но.

Ноэль Браун

Вот и подходил к концу 97 год. У меня была работа и долгожданная подруга. Конечно, у меня были знакомые девушки моего возраста, но большинство из них уже были замужем, или вот-вот собирались замуж, а по неписанным канонам современного общества, считалось дурным тоном для незамужней девушки близко дружить с замужними.

Поэтому 17-летняя Ноэль была для меня подарком судьбы. Мы с ней занимались каждую неделю по четвергам в течение всего дня и изредка ходили на прогулку по воскресеньям. У нас были похожие взгляды на брак, детей, деньги и на то, какими должны быть мужчины. Мы тайком почитывали научные работы, часто медицинские статьи, это было легче всего оправдать. Много читали по истории, иногда даже экономические статьи. Поначалу мы мало что понимали там, но перечитав два, а то и три раза, написанное переставало быть загадкой.

Со временем ее простонародный акцент стал менее заметным, речь выправлялась, а в чтении и письме она делала грандиозные успехи. Ноэль была чудесной ученицей, прилежной и старательной. Я была уверена, что, исправив недостаток образования, она сможет сделать отличную партию.

В первый четверг декабря мы как всегда встретились в библиотеке. На улице заметно похолодало, тонкие пальто

сменились толстыми тяжелыми с мехом или подстежкой. Снега не было, но воздух был морозным и куда более свежим, чем обычно. Я очень нравилась себе в то утро. На мне были новые лайковые перчатки и элегантная шляпка, прогулочное платье, которое я сама себе сшила, было, на мой взгляд, как нельзя очаровательным, а пальто было с тонкой полоской меха – папа подарил мне его еще прошлой весной. Я вошла в библиотеку и сразу направилась к ожидавшей меня Ноэль. Прозанимавшись более двух часов, мы с ней немного почитали.

– Ты делаешь огромные успехи, Ноэль, – в очередной раз похвалила я подругу.

– Спасибо, все это благодаря тебе.

– Брось! Это целиком твоя заслуга, – я улыбнулась ей и решила задать давно лелеемый мною вопрос. – Ноэль, моя семья была бы рада видеть тебя у нас на рождественские и новогодние праздники, если, конечно, у тебя нет других планов.

– О, Мэрлин! – подруга внезапно прослезилась. – Как ты можешь быть одновременно такой умной и такой наивной?

– Я не понимаю тебя, в чем дело? – я нахмурилась.

– Посмотри на меня, посмотри на меня внимательно, – быстро и взволнованно зашептала она. – Ты видишь эти наряды? Ты думаешь, тетушка способна безвозмездно вкладывать такие деньги в бедную сиротку?

– Я не знаю, почему бы и нет?

– О, не смейся, – с горечью произнесла Ноэль. Ее глаза потускнели, и я впервые увидела в них что-то такое глубокое, не знакомое мне... – Какую работу, по-твоему, она мне нашла?

– Я не знаю, возможно, младшим библиотекарем, – ответила я, запинаясь.

– Младших библиотекарей так не одевают. После рождественских праздников я начну работать в заведении мадам Жу.

– Где? – переспросила я, не совсем понимая, что мне хочет сказать Ноэль.

– В борделе, Мэрлин, – она грустно рассмеялась. – Это приличное заведение, насколько это возможно в данном случае, туда не берут безграмотных дурочек. Мадам сказала, что я должна уметь развлекать мужчину не только телом, но и умом. Поэтому тетя наняла тебя. И каждый потраченный на меня шиллинг я должна буду ей вернуть в двойном размере, ведь она приютила меня.

Я смотрела на нее, слушала и не понимала. Передо мной сидела обворожительная девушка, прекрасная и свежая, юная, чистая. Заведение мадам Жу? Невероятный поворот.

Я думала, мы вместе выйдем замуж, родим детей, которые, так же, как и мы, станут друзьями. О, боже! Я подружилась с будущей проституткой! Если родители узнают, если вообще кто-нибудь узнает, мне конец! Я тут же могу собирать вещи и отправляться следом за Ноэль.

– Но, – заикаясь, выдавила я из себя, – разве ты не хочешь выйти замуж?

– Мэрлин, – протянула она. – Пойми меня, наконец. Я с 12 лет жила одна с четырьмя братьями. Мы голодали, работали как вшивые лошади, я воровала и попрошайничала, я бегала за господскими каретами с мальчишками в ожидании брошенной пенни. Я дралась за каждый такой пенни. А два года назад я осталась совсем одна. Мой старший брат, Ники, уехал в Америку искать своего счастья, Тома и Эдди арестовали, если они не умерли, то все еще сидят в тюрьме. А младшего брата как-то избили и бросили в Темзу. Джимми выжил, благодарение богу, но стал дурачком. Он сейчас в сумасшедшем доме, и раз в месяц я навещаю его. Тетушка платит и за его содержание. Два последних года я жила на улице одна. Я спала под мостом, ела отбросы, я торговала своим телом за еду! Мне повезло, что я нашла тетушку, и, хотя наши родители не хотели с ней знаться, она взяла меня, – Ноэль в чрезвычайном волнении схватила меня за руку. – Ты, понимаешь, она взяла меня! Она намыла и накормила меня, она сама ходила в заведение к мадам и предложила ей меня нанять. Она купила мне одежду и наняла тебя, чтобы учить меня. Никто и никогда так не заботился обо мне.

Я вдруг заметила, что мы обе плачем, и почувствовала облегчение, что никого не было рядом. Мы крепко держались за руки, а Ноэль все говорила и говорила. Видимо, я была первым человеком, кому она могла рассказать свою историю.

Я была взволнована и шокирована, мне бы следовало убежать от нее, но я не могла заставить себя встать.

– Я никогда не выйду замуж, Мэрлин, – продолжала моя подруга. Подруга ли? Не знаю. – Никому не нужна опорощенная девушка. Ты можешь представить хоть одну мать, которая бы приняла невестку, жившую на улице? Реальность другая. А для меня попасть к мадам Жу – огромная удача. Там меня будут кормить и одевать, у меня будет крыша над головой, ни один мужчина не причинит мне вреда. Меня постоянно будет наблюдать врач. Даже твой отец работает в одном из таких мест.

– Папа? – кажется, мои глаза вот-вот вылезут из орбит, настолько я была удивлена.

– Да, заведения такого рода часто нанимают врача. Примерно раз или два в месяц он приходит к мадам для осмотра девушек. Стоит это дорого, но в итоге за все платит клиент.

– Он ходит к этой мадам Жу?

– Нет, он работает в каком-то другом месте. Тетушка встретила его как-то, когда искала для меня место.

– И отец знает про тебя?

– Не думаю, что он знает, как меня зовут и кто я, но да, он осматривал меня на предмет венерических болезней.

– О, боже!

– О, Мэрлин! – воскликнула Ноэль, горько улыбнувшись. Она показалась мне ужасно старой. – Ты удивляешься так, как будто вчера родилась. Мы живем не в черно-белом ми-

ре, как правило, люди совершают и хорошие поступки, и не очень одновременно.

– Да, наверное, ты права. Мне надо подумать. Мне пора. До встречи.

И я убежала в глубоком волнении. Я была поражена горькой мудрости своей подруги. Я была поражена тем, как близко от меня была «другая» сторона жизни. Я словно впала в оцепенение. Дома я отказалась от ужина и весь вечер пролежала в постели, сказавшись больной. Я, не переставая, думала о сегодняшнем разговоре с Ноэль. Она такая милая, такая красивая, умная... Проститутка?!

Это был кошмар. Ночью мне все стало казаться дурным сном, но потом я вспомнила ее пронизательные голубые глаза, с грустью смотревшие на меня. Нет, это не сон. Это та жизнь, которой я, Мэрлин Уороби, не знала. Это как темный переулок, на котором никогда не окажется приличная девушка – они ходят только по освещенным авеню. И вот сейчас я вдруг оказалась одна во мраке города. Мне было страшно. Я не знала, что делать. Мы с Ноэль были так привязаны друг к другу, и я не могла представить, что все закончится. Но если она не хотела или не могла выйти замуж, то со мной-то другая история. Я хочу замуж, хочу мужа, хочу семью. И моя репутация неумолимо будет уничтожена, стоит лишь кому-нибудь узнать, чем зарабатывает на жизнь моя подруга.

Я думала о том, что мы с ней знакомы всего несколько

месяцев, что, скорее всего, я обманывала сама себя, когда думала, что она разделяет мои взгляды на жизнь. Вероятно, я лишь принимала желаемое за действительное, а Ноэль никогда не была тем человеком, каким я ее видела. Я злилась на нее весь следующий день. Я негодовала на миссис Стоунворк, ведь фактически она меня подставила. В выходные у папы было много работы, и я немного отвлеклась от своих удручающих мыслей. Но злость не проходила. В понедельник я отправила записку с извинениями и с просьбой отменить занятие в четверг, сославшись на плохое самочувствие. Впрочем, я не сильно лукавила. Я действительно казалась себе больной.

Всю неделю я была сама не своя. Планировалось, что в это время я должна ходить по магазинам и покупать подарки родителям, семейству Чизторнов, Ноэль... При воспоминании о ней меня пробивала дрожь.

К выходным злость прошла, уступив место глубокой тоске. Так одиноко я себя еще никогда не чувствовала. Мама постоянно спрашивала, что со мной случилось, но разве могла я рассказать ей? Ее позиция была бы однозначной. И тут мне вдруг пришло в голову, что, если бы и моя позиция на счет Ноэль была бы такой же однозначной, я не убивалась бы всю эту неделю, не злилась бы, не мучилась от тоски. Я поняла, что переживаю, потому что на самом деле не хочу расставаться с Ноэль и все время подспудно искала пути выхода из этого тупика.

Меня ошарашила и озадачила эта мысль. Потом я подумала, что Лондон – огромный город, и что, если Ноэль не будет вульгарно одеваться, на улице никто никогда ни о чем не догадается. Что помешает нам также встречаться раз или два в неделю и обсуждать насущное? Что помешает нам также интересоваться экономикой и историей, или критиковать героев романов, или тайком читать статьи «Таймз»? Не расскажи мне Ноэль свою историю, все, возможно, так бы и произошло. В конце концов, это же у меня «чертовски современный» характер, разве не так?

В четверг я как всегда пришла в библиотеку. Это было старое здание, пропахшее временем, книгами и человеческим разочарованием. Странно, подумала я, как многое можно заметить вокруг, стоит лишь решить мучивший тебя вопрос. Ноэль ждала меня с опущенной головой. Она смотрела на свои пальцы и нервно перебирала ими. Я подошла к ней и постояла несколько минут. Я знала, что она заметила меня – это было видно по тому, как напряглась ее спина. Потом я села возле нее.

– Доброе утро, Ноэль, – проговорила я тихо. Она же лишь подняла на меня свои восхитительные глаза, и я увидела в них такое смятение чувств, такое одиночество и такую надежду, что у меня чуть не навернулись слезы. Я протянула ей руки, и мы, обнявшись, обе расплакались.

– О, Мэрлин, ты не отвернулась от меня! – прошептала Ноэль, как только слезы чуть-чуть высохли. – Я так боялась,

что мы больше никогда не сможем стать подругами. Раньше у меня никогда не было друзей. Прости, что не рассказала тебе сразу. Ты простишь меня?

– О, милая, я нисколько не сержусь на тебя. Я понимаю, почему ты так поступила. Но скажи, могу я просить тебя об одном очень важном одолжении?

– Конечно, проси все что хочешь!

– Я не хочу тебя обидеть, но ты должна понимать, что если кто-нибудь узнает о твоей...кхмм... работе, то моя репутация будет уничтожена. Прошу тебя не говори никому и никогда, чем ты занимаешься, не носи ничего кричащего или вульгарного, не делай ничего, что могло бы выдать в тебе...

– я умолкла не в силах продолжить. Я закрыла лицом руками и глубоко вздохнула. – Ты сможешь это сделать ради меня?

– Да! Я не допущу, чтобы ты хоть сколько-нибудь пострадала.

В тот день мы не стали заниматься, а пошли по магазинам. Я купила всем подарки, и на душе стало значительно лучше. Я все-таки пригласила Ноэль к нам на Рождество. Папа мог узнать ее, но мне вдруг стало противно скрывать все от родителей. Я приняла решение и его придется уважить, даже если им это не понравится.

Миссис Чизторн

И все-таки правы те, кто говорит, что рождество время чудесных неожиданностей.

Я никогда не встречалась ни с кем из родных матери. Но это и понятно, она была с континента, происхождение ее весьма сомнительно, иммигрировала она в сознательном возрасте, и как мне кажется, не сожалела.

У отца все было куда более запутанно. Он родился в небогатой семье, которая не могла и не хотела платить за его образование. Он сбежал на фронт и стал помощником врача, который потом ссудил ему некоторую сумму денег для продолжения учебы. Но с тех самых пор отец не общался ни с кем из своей семьи. Мы знали, что его родители давно умерли, старший брат спился и если еще не умер, то вот-вот готовился. У отца было еще две сестры, старшая Элеонор и младшая Эмилия. Эмилия умерла от холеры в возрасте 25 лет, не оставив после себя детей, а Элеонор замуж не вышла и была вынуждена стать гувернанткой, чтобы прокормить себя после смерти родителей.

Так вот, через несколько дней после моего воссоединения с Ноэль, отцу пришло письмо с севера от Элеонор. Оказалось, что благодарный наниматель сдал ей в аренду за весьма символическую плату небольшой домишко в Нортумберленде, где она теперь и обреталась. Так как пожилая женщина, наконец, обрела свободу и финансовую независимость, она решила восстановить семейные узы. Найти отца оказалось не так сложно, достаточно было выписать пару лондонских газет – папа периодически давал туда объявления. А так как жили мы там же, где папа работал, письмо пришло

точнехонько по адресу.

Весь день отец ходил в глубокой задумчивости. Человеку всегда тяжело жить, оторванным от семьи, и я знала, что папа хотел бы наладить отношения со своими родственниками, но никогда бы не решился проявить инициативу.

Мама была крайне растрогана и взволнована. Она ходила по дому сама не своя, держа в руках письмо тетушки Элеонор, и постоянно его перечитывала, словно хотела выучить наизусть.

Перед ужином родители уединились и долго что-то обсуждали. А на следующее утро мама пошла с визитом к миссис Чизторн, вернувшись от которой, сразу прошла в кабинет отца, что делала крайне редко. Едва войдя в кабинет, она гордо кивнула отцу и заулыбалась довольной улыбкой. Я смотрела то на отца, то на мать и тоже невольно заулыбалась, настолько заговорщицкий у них был вид.

– Ну что ж, – наконец, проговорил отец, вставая со своего кресла. – Мэрлин, дочка, мы с мамой должны тебе сообщить, что немедленно собираемся отбыть в Нортумберленд к твоей тете Элеонор. Мы пробудем там Рождество и новогодние праздники, а затем вернемся. Ты останешься здесь и погостишь пока у миссис Чизторн.

– Уверена, Мэрлин, – проговорила моя мама, – тебе не придется скучать. На рождество к Аманде соберется вся ее семья, а на новый год они ждут свою племянницу Клер, ей 17, и она подыскивает жениха, так что возможно там будут

молодые неженатые джентльмены и даже возможно тебе кто-нибудь из них понравится.

– О, мама! Я так рада, что вы, наконец-то, сможете отдохнуть с папой! Папа! Как прекрасно! – я была невероятно счастлива. – Но, честно говоря, я хотела пригласить к нам на рождество Ноэль Браун, я рассказывала вам про нее, это племянница миссис Стоунворк из библиотеки. У миссис Стоунворк на праздники также соберется вся семья, а в ее каморке и без того тесновато, так что бедняжке Ноэль совсем некуда деваться.

– Что ж, – проговорила мама в задумчивости, – думаю Аманда не будет против. Сейчас же пошлю ей записку.

– Так, мои дорогие, – отец подошел к нам с мамой и обнял обеих за плечи, – пока вы тут решаете вопрос с подружкой Мэрлин и собирайте вещи, а я схожу на вокзал, куплю билеты на поезд. Да-да, дорогая, – крикнул он, уже подходя к двери, – мы будем путешествовать на поезде!

На следующий день родители уехали, а мы с миссис Чизторн, которой сполна возместили расходы гостеприимства, проводив их, возвращались к ней домой через библиотеку, чтобы забрать Ноэль. Миссис Стоунворк была очевидно рада этому факту. Это настолько бросалось в глаза, что миссис Чизторн даже позволила себе фыркнуть.

Едва мы втроем перешагнули порог дома семейства Чизторн, на нас буквально обрушилось рождественское на-

строение. Дом был украшен хвойными ветками, у камина лежало праздничное полено, по всему дому разносились радостные голоса.

Конечно, мне и раньше было известно, что Чизторны живут много богаче нас. Они снимали целое крыло в небольшом двухэтажном доме выше по Камден-стрит. Капитан Чизторн все еще находился на службе ее величества и хоть и не имел титула, был высоко оценен на флоте. Единственный сын и наследник Чизторнов Гарри был архитектором и проектировал по большей части мосты. Он был удачно женат на дочери какого-то зажиточного торговца, который дал за ней весьма приличное приданое. Также обе дочери Чизторнов были выданы замуж и уже обзавелись потомством. Конечно, меня всегда удивляло, что у самой миссис Чизторн никогда не было на руках денег, но возможно у нее был мотоватый характер и деньги ей просто не доверяли.

У дочерей Чизторнов были новые платья, красивые и элегантные. Хорошо, что мы с Ноэль догадались сшить себе наряды к рождеству. Пусть мы не выглядели так же изысканно, но в целом были весьма и весьма на уровне.

Рождество прошло в семейном кругу. Все были приветливы и веселы, Гарри много шутил. Он пил виски вместе с мужьями своих сестер и капитаном, но при этом все мужчины вели себя достойно. На стол подавали несколько видов мясных пирогов, запеченную птицу, паштет из гусяной печени, фрукты в сахаре и даже мороженое. Ни я, ни Ноэль не могли

даже рассчитывать на такое изобилие вкусов. Мне было так хорошо!

В канун нового года приехала племянница миссис Чизторн Клер Лейтон. Это была симпатичная невысокая девушка со светлыми струящимися волосами, голубыми глазами и кукольным личиком. Она была поистине прелестна. Правда, стоило только миссис Чизторн представить нас друг другу, Клер демонстративно перестала обращать на нас с Ноэль внимание. Но, честно говоря, мы были готовы к этому. Девушка приехала сюда из деревни, чтобы выйти замуж, а мы были дополнительной преградой к достижению ее благой цели.

Ноэль, уже определившая свою судьбу, вообще начала посмеиваться над сложившейся ситуацией, ведь уж кто-кто, а она-то не могла составить малышке Клер конкуренцию.

Перед ужином в нашу с Ноэль комнату зашла миссис Чизторн с лентами для волос. Она предупредила, что скоро придут друзья Гарри, и что мы должны выглядеть достойно, но при этом не затмевать Клер. Мы тут же согласились. Так как у нас не было столько нарядов, сколько могли себе позволить дочери Чизторнов или же Клер, и мне, и Ноэль пришлось надеть те же платья, что были на нас во время праздничного ужина в Рождество.

Но, конечно, это ни для кого не имело значения, кроме нас самих.

Итак, на новогоднем ужине присутствовало трое нежена-

тых друзей Гарри. Сэм Бригстон, также работавший архитектором, привлекательный среднего роста молодой человек с живыми карими глазами, мальчишеской улыбкой, слегка вьющимися каштановыми волосами. В целом он был очень приятным, но внешность его не была очень запоминающейся. Он постоянно обменивался шутками с Гарри, из чего я сделала вывод, что ему немного некомфортно в новом обществе.

Второй потенциальный жених Клер был Уолтер Джабб. Это был высокий, стройный молодой человек, работал он инженером, по ходу ужина в основном молчал, но выглядел весьма уверенным в себе. У него были темно-каштановые волосы с медным отливом, зеленые глаза и густые темные ресницы, которые делали его взгляд проникновенным. Было заметно, что мистер Джабб сразу раскусил, для чего его пригласили, и верно оценил, кому из присутствующих молодых мисс он должен уделять внимание. Это вызвало во мне невольное восхищение и уважение его проницательности.

Третьим же был шотландец Ричард Дженссен. Но все звали его Дик. Этот человек был настоящей находкой вечера. Дик работал журналистом, и это проскальзывало во всем его облике. Он говорил много, красиво, умно и чрезвычайно интересно. У него был превосходный завораживающий голос. При этом он постоянно обращался к другим, и ни у кого не возникало ощущения, что его забыли. Дик умел общаться. Что касается внешности, то мистер Дженссен был высок так

же, как и мистер Джабб, у него были темные почти черные волосы, светло-голубые глаза, прямой классический нос и полные губы. Он, с его крупными красивыми руками, произвел на меня неизгладимое впечатление. Мне приходилось постоянно контролировать себя, чтобы не поддаться вперед к его очарованию, чтобы не заглядывать ему в рот, стоило лишь ему сказать какую-нибудь забавную остроту. Он притягивал меня, словно магнит, я была взволнована, очарована и совершенно сбита с толку.

К счастью, на это никто не обратил внимания. Едва только ужин закончился, служанка Чизторнов и лакей убрали стол, и гостиная сразу приобрела вид бального зала. Женщины тихонько разговаривали в одном углу, в другом же статный капитан Чизторн вел беседу с не менее статным мистером Джаббом, а Гарри, Дик и Сэм Бригстон потягивали виски и постоянно заразительно смеялись. Таким образом, миссис Чизторн практически организовала великосветский прием, когда мужчины и женщины какое-то время проводили отдельно. Но такое уединение в новогодний вечер не могло продлиться долго. Вскоре всем захотелось повеселиться. Мы играли в шарады, пели, даже потанцевали немного. Опьяненные шампанским и весельем, все шутили и смеялись до слез. Клер блистала. Слово бабочка порхала она от одного своего кавалера к другому, очевидно было, что все трое приглашенных мужчин заинтересовались хорошенькой девушкой.

Когда часы пробили полночь, мужчины достали хлопушки, раздался грохот, женщины же бросали вверх ленты и серпантин. Было чудесно!

Потом все снова стали разбредаться по гостиной и собираться в небольшие компании по два-три человека. И в этот момент я неожиданно оказалась в компании Дика Дженссена.

– Великолепный вечер, не правда ли, мистер Дженссен? – спросила я, не смея взглянуть в его манящие глаза.

– О, да! Когда Гарри сказал, что на ужине надо будет развлечь его сестер, он, конечно, забыл упомянуть о незамужней кузине и ее подругах. Но мне кажется, я с честью вышел из положения, как Вы считаете, мисс Уороби?

От звука его голоса настолько близко, у меня едва не подкосились колени.

– Вы сделали этот вечер незабываемым, – ответила я и тут же мысленно отругала себя за прозвучавшую двусмысленность.

– Вы находите? – Дик улыбнулся. – Послезавтра я уезжаю домой в Шотландию, скорее всего мне придется пробыть там до конца будущего лета. Но я хотел бы спросить Вас, мисс Уороби.

– О чем? – удивилась я.

– Разрешите мне написать Вам?

Мне показалось, что сверху на меня вылился ушат воды. Он хочет написать мне? Дик Дженссен? О, боже, в это почти

не верилось.

– О, конечно, мистер Дженссен, буду с нетерпением ждать Вашего письма. Его можно отослать на адрес медицинского кабинета отца, это на Камден-стрит, дом «Н».

– Что ж, благодарю, мисс Уороби, – он слегка поклонился и отошел к капитану, который по-свойски обнял его за плечи и тут же стал что-то ему рассказывать.

Вскоре после этого короткого разговора, все еще крайне взволнованная, я подошла к Ноэль и попросила ее пойти спать. Мы с подругой сердечно поблагодарили миссис Чизторн за этот прекрасный вечер, за вкусную еду и развлечения, и отправились к себе в комнату. Я думала, что не смогу заснуть. Но едва коснувшись подушки, я представила Дика и тут же провалилась в сон.

Дик Дженссен

Что ж, волшебные каникулы подошли к концу, гости Чизторнов разъехались, вернулись мама и папа, и мы с Ноэль вскоре вернулись к своей обычной жизни.

Точнее, это я вернулась к обычной жизни, Ноэль же в первых числах января переехала в дом к мадам. Там она проходила жесткий обучающий курс. Поначалу Ноэль не особенно хотела делиться подробностями, но постепенно шок и желание выплеснуть эмоции захватили ее, и она стала рассказывать мне все о своем новом пристанище, о порядках царивших там, о том, чему ее учили, о девушках, и, конечно, о ма-

дам, которая оказалась чрезвычайно умна и при этом весьма либеральных взглядов.

Я совершенно не заметила, как пролетел январь, а с ним и половина февраля. Изредка выпадал снег, и тусклое солнце пробивалось через дымовую завесу Лондона. В такие дни я часто выходила на крыльцо, чтобы вдохнуть морозного воздуха. Конечно, его с трудом можно было назвать «свежим», но в сравнении с удушающим летним зноем, дышать им было куда приятнее.

В двадцатых числах февраля я получила первое письмо от Дика. Было так странно держать в руках конверт... Я ужасно волновалась и долго не решалась прочесть письмо. Я дотянула с этим до ночи и, укрывшись от родителей за своей занавеской, забралась в постель и принялась читать.

Боже, что это было за послание!

Дик великолепно писал, я читала его письмо, словно роман, и каждое слово будто бы оживало под его пером. Он рассказывал о Шотландии и своей семье, об их овцах и старом псе, рассказывал, что ищет работу журналиста в Эдинбурге или Глазго. Лишь через полчаса после прочтения я поняла, что он ни словом не обмолвился обо мне. Ничто в его письме не могло сказать мне, какие чувства он ко мне испытывал, понравилась ли я ему, встретимся ли мы когда-нибудь снова...

Я была в смятении, и весь следующий день обдумывала ответ. В конце концов, я решила отвечать ему в том же духе.

Обо всем и ни о чем действительно важном. Так завязалась наша переписка.

Мы обменивались письмами примерно раз или два в месяц вплоть до наступления августа, когда он вдруг написал, что приедет в начале сентября в Лондон по каким-то семейным делам. Ни предложения встретиться, ни точных дат. И хотя моей нетерпеливой натуре было тяжело, пришлось смириться и просто ждать, что он будет делать дальше. В любом случае, как верно подметила Ноэль однажды, почему бы и не принять его игру, если больше никто не делает ставок.

О, эта девочка становилась по-настоящему мудрой. Ее допустили к клиентам только в конце весны, но почти сразу же стало ясно, что она истинная жемчужина. Ноэль приносила своей мадам огромные деньги и даже смогла сама кое-что отложить. Она частенько заставляла меня краснеть, рассказывая, как надо ублажать мужчин и при этом самой получать удовольствие, но благодаря ей, я больше не жила в прострации. И благодаря ее рассказам, я с точностью знала, что хотела бы сделать с Диком Дженссеном, если ему будет угодно пригласить меня на свидание.

Первые дни сентября проходили в мучительном ожидании. Мне хотелось верить, что я достаточно заинтересовала молодого журналиста, но в то же время я была крайне не уверена в себе, ведь это был мой первый опыт общения с молодым неженатым мужчиной. К концу первой недели я потеряла всякую надежду.

Причем зря. Седьмого сентября к нам пришла записка, в которой Дик Дженссен приглашал меня на прогулку в компании Гарри Чизторна, его жены и Клер. Мама с радостью отпустила меня, и к назначенному времени я была полностью готова. Едва Гарри постучал в дверь, мое сердце подпрыгнуло и забилося с бешеной скоростью. Его жена мило поприветствовала мою мать, и как только закончился обмен любезностями, я выпорхнула из дома. Мы отправились в парк.

Прогулка была бы абсолютно чудесной, если бы Клер намертво не вцепилась бы в Дика. Он много говорил, весело и интересно, так, как будто нас не связывала пачка писем, и расстались мы будто бы вчера. Я смотрела на него и мне он безумно нравился, его голос, его смеющиеся голубые глаза, то как он поправлял свои волосы...

Дик был красивым, настолько, что я словно бы горела от его присутствия. Он рассказывал нам про Южную Африку, которой очень интересовался его издатель, и даже упомянул, что его хотят отправить в Трансвааль к концу года для освещения местных событий. Африка казалась такой далекой и нереальной, но в его словах она оживала и переливалась буйными красками.

К концу прогулки мы подошли к дому Чизторнов, и Клер, к ее вящему неудовольствию, пришлось отлепиться от руки Дика и пойти домой. Гарри лишь посмеялся над явным огорчением дальней родственницы и, пожелав Дику удачи в африканской компании, попрощался с нами. Мы остались

вдвоем.

– Разрешите мне проводить Вас, мисс Уороби? – спросил Дик.

– О, конечно, мистер Дженссен. Это будет очень любезно с Вашей стороны.

– Жаль, что Ваш дом так близко. Мне бы хотелось побыть с Вами дольше. Я пробуду здесь еще четыре дня, а потом вернусь в Шотландию. К тому времени должен решиться вопрос о моем назначении в Трансвааль. Вы разрешите мне встретиться с Вами еще раз за это время?

– Завтра и послезавтра я работаю, мистер Дженссен, но в четверг я свободна и могу провести с Вами немного времени. Вас это устроит?

– Конечно! Я чертовски рад! – воскликнул он. – О, прошу извинить мою несдержанность.

Я рассмеялась, и он тоже. Мне сразу стало легко. Я ему нравилась. Это было чудесно. Мы договорились встретиться в четверг у библиотеки. На прощание он поцеловал мою руку. Весь оставшийся день я трепетала.

В четверг я тщательно готовилась к встрече. Я надела свое лучшее платье и шляпку, новые перчатки и взяла новый зонтик, который я купила пару месяцев назад, но не решалась использовать. Родители, конечно, сразу догадались, что я иду не на занятие к Ноэль, но не стали ничего говорить. В конце концов, как-то же я должна была выйти замуж, а общаясь только с девушками и родителями, это вряд ли полу-

чится.

Я вышла в приподнятом настроении. Мне нравилась моя прическа и то, как я выгляжу, а подойдя к библиотеке, где меня уже ждал Дик, я совершенно неприлично заулыбалась.

– Вы сегодня необыкновенно очаровательны, мисс Уороби! – заметил молодой человек. Мне тут же захотелось его расцеловать.

Он подал мне руку, и мы направились в парк. Там мы немного побродили по дорожкам, пока он рассказывал мне, чем занимался в эти два дня, что мы не виделись, а я рассказывала ему про работу в кабинете отца. Примерно через час мы сели на скамейку в весьма укромном уголке парка, среди еще зеленых кустарников.

– Я помню все Ваши письма, мисс Уороби, они согревали мне сердце.

– Ну что Вы, мистер Дженсен. И прошу Вас, зовите меня Мэрлин. Я кажусь себе старой, когда Вы обращаетесь ко мне «мисс Уороби».

– Нисколько не хотел Вас обидеть, – рассмеялся он. – У Вас красивое имя, очень редкое... и немного мужское...

– Вы находите? – напряглась я.

– О, не поймите меня неправильно. Вы для меня идеальный образчик женственности и утонченной женской красоты. Может быть, у Вас есть сокращенное имя? Как у меня?

– Вы так улыбаетесь мне, что я не могу даже обидеться. Но у меня нет сокращенного имени, хотя Вы угадали, я не

очень люблю свое имя, но «мисс Уороби» звучит еще хуже.

– Что ж, позвольте мне называть Вас Ли? Одну мою бабушку звали Ли, она была невероятно обаятельна.

– Ли... Мне нравится, мистер Дженссен, – улыбнулась я.

– О нет, зовите меня Дик. Давайте станем чуть ближе друг к другу. Мы, кажется, довольно пребывали в чересчур официальном знакомстве.

И он посмотрел на меня так... я почувствовала себя восковой свечой, которую опалили горячим пламенем. Я внезапно подумала, что это свидание может не повториться еще очень долго.

– Дик, – я взяла его большую теплую ладонь в свою и заглянула в глаза. Я ему нравилась, это было очевидно. – Не считайте меня слишком легкомысленной, пожалуйста. Но мы, возможно, не увидимся еще очень долго. И мне бы хотелось оставить след в Вашем сердце, чтобы Вы помнили меня вдали от Лондона... Поцелуйте меня, Дик...

– О, Ли!

Мгновение он смотрел на меня, и я почувствовала, что его влечет ко мне. Я поняла, что он правильно воспринял мою просьбу и не посчитает меня бесстыдницей. Он слегка обнял меня и склонился к моим губам. Это был чудесный поцелуй. У него были горячие мягкие губы, в них чувствовалась страсть и нежность.

Мы целовались очень долго. Он дразнил меня своим языком, и я позволила ему углубить поцелуй. Мои колени дро-

жали, а руками я судорожно хваталась за его одежду. Мы потеряли счет времени, и, если бы не случайный прохожий, забредший в эту часть парка, возможно, мы бы так и не оторвались друг от друга.

– Я бесконечно влюблен в Вас, Ли, – охрипшим голосом проговорил Дик. И я поверила ему. И хотя все мое существо было напряжено до предела, я тоже была влюблена. Но решила утаить это от него.

Я вернулась домой и сразу ушла к себе. Я лелеяла свое чувство к Дику. Мне было хорошо в новых ощущениях, и я чувствовала себя необыкновенно окрыленной. Счастливой.

Через неделю Дик написал, что его отправляют в Трансвааль. Я была рада за него, но огорчена, что мы долго не увидимся. В ноябре мне пришло письмо уже из Африки. Это было такое же, как и все его письма, глубокое, завораживающее, но в отличие от остальных, это было полно любви.

А еще через два дня вечером к нам зашел Гарри. Он был очень бледен и непривычно угрюм. Он попросил разрешения переговорить со мной наедине, и мы прошли в кабинет отца, а родители остались в комнате. Гарри долго смотрел на меня печальным затвердевшим взглядом. А потом, наконец, сказал:

– Дика Дженссена убили в потасовке на окраине Йоханнесбурга. Сегодня пришло известие от его семьи. Его захоронили там же, в Трансваале. Мне очень жаль, мисс Уороби, я знаю, Вы были дороги его сердцу.

– О, боже...

Кажется, это все, что я смогла сказать в тот вечер. Гарри попытался как-то поддержать меня, но слова у него не шли и вскоре он попрощался. Мои родители тоже пытались меня подбодрить, особенно мама, ведь она знала о нашей с Диком переписке и о том, что он был влюблен в меня. Но все это было напрасно. В моей душе была пустота. Рушилось все, о чем я позволила себе мечтать. Я вспомнила, как мы целовались в парке... Дика, такого живого, такого настоящего, больше не было. Все уходит, подумала я. Все уходит.

Это было печальное время. Я тосковала и пыталась осмыслить свою жизнь. Я почти поверила в то, что смогу выйти замуж и создать семью. С Диком. Но больше я не буду ни во что верить. Замужество? Смешно! Судьба уже сказала мне, что это все пустое.

Мир потерял прекрасного человека. И я тоже.

Лорд Джон

Всем известно, что Лондон абсолютно серый город. Только отчаявшимся беднякам и зарвавшимся аристократам он иногда кажется прекрасным местом. Но, по правде говоря, Лондон такой же мрачный, как и туман, окутывающий его. Этот город словно предназначен скрывать человеческие страдания. Каждый несчастен по-своему и Лондон несчастен с каждым его жителем. А в ноябре эта серость, этот туман,

и эта горечь, пропитавшая каждый закоулок британской столицы, становится просто невыносимой.

Я не встречалась с Ноэль и не ходила гулять. Я раз за разом вспоминала Дика и часто мысленно беседовала с ним. Это было грустное и тяжелое время. Рушились все мои иллюзии.

Но с другой стороны, что одним страдания, другим постоянный источник дохода. В очередной раз количество посетителей отца увеличилось. И он, в очередной раз поднимая цены, нанял наконец себе помощника из медицинского колледжа, а также лакея, а потом и вовсе снял оставшиеся две комнаты наверху, одну из которых отвел под свои лечебные нужды, а вторую превратив в уютную спальню. Теперь родители спали отдельно, у меня появилась своя комната, и я могла бесконечно предаваться унынию.

С появлением папиного помощника, кстати, звали его Эндрю Торп, я начала отдыхать на один день больше, а основной обязанностью стало вести карточки пациентов. Во время приема я сидела за небольшой ширмой и конспектировала разговор отца с клиентом и все данные, которые папа считал нужным сохранить в памяти относительно каждого больного. Почему я сидела за ширмой? Ну что Вы, посещение врача крайне интимное дело и присутствие молодой незамужней девушки было недопустимо. Это только отпугивало бы и нервировало пациентов, и без того всегда крайне взволнованных. Однако присутствие мистера Торпа мало кого сму-

щало, лишь изредка, если очень ревнивый муж приводил на осмотр свою жену. Хотя чаще всего женщинам отец ставил диагнозы заочно, полагаясь исключительно на описание симптомов, пересказанных ее мужем или отцом. Странно, не правда ли? Но такова жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.